

КУРГАННЫЕ НЕКРОПОЛИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА СРЕДНЕМ ДОНУ И СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ: ИТОГИ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ*

А. П. Медведев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 января 2010 г.

Аннотация: в результате сравнительного анализа лесостепных курганных могильников скифского времени на Среднем Дону и Северском Донце установлена высокая степень близости типов их погребальных сооружений и сопровождающего инвентаря. Автор объясняет этот феномен принадлежностью среднедонского и северскодонецкого населения V–IV вв. до н. э. родственной группе племен, известной Геродоту под разными именами: будины на Дону и меланхлены на Донце.

Ключевые слова: Скифия, лесостепь, Дон, Северский Донец, кочевники, погребения, будины, меланхлены.

Abstract: as the result of comparing analysis of forest-steppe barrows of Skythia time on Middle Don and North Donets the author sees the great degree of closeness of their types of graves and accompanying inventory. The author explains this phenomenon by belonging of the population of Middle Don and North Donets in V–IV centuries BC to the family group of tribes known by Herodotus as budiny near Don or melahleny near Donets.

Key words: Skythia, forest-steppe, Don, North Donets, nomads, barrows, budiny, melahleny.

В современной скифологии все более заметным становится интерес исследователей к проблематике не только Степной, но и Лесостепной Скифии. Представляется, что его возрастание обусловлено рядом причин как объективного, так и субъективного порядка. После распада СССР российским археологам оказались доступны для непосредственного полевого изучения по преимуществу лишь археологические памятники скифского времени, сохранившиеся на территории лесостепных Воронежской, Курской и Белгородской областей. С другой стороны, в результате практически полного сворачивания полевых работ новостроечных экспедиций в Степном Причерноморье наши украинские коллеги стали проявлять повышенный интерес к лесостепным городищам и курганам. Эта «смена курса» уже нашла отражение в целом ряде публикаций как российских, так и украинских скифологов, среди которых в последние годы заметно преобладают издания по лесостепной тематике.

Здесь нужно сделать оговорку, что как таковое понятие «Лесостепная Скифия» напрямую не восходит к древним источникам, а является ученым историко-археологическим конструктом XX в. Однако, несомненно, оно отражает некоторые существенные особенности истории и культуры населения восточноевропейской лесостепи в скифскую эпоху, ставшие известными в первую очередь благодаря успехам археологии.

Одним из важнейших археологических источников по истории Лесостепной Скифии являются курганные могильники. Известно, что у древнего населения Скифии к курганам было особое отношение. Так, в системе ценностей скифов «отчие могилы» стояли на первом месте, и только угроза их разорения могла заставить номадов вступить в битву с персидским царем Дарием (Herod.: IV, 127). Уже одно это геродотово свидетельство убедительно показывает значимость курганных некрополей для их создателей, а значит, и для современных исследователей. В отличие от эпизодических и не всегда адекватных сообщений античных авторов, курганные ансамбли выгодно отличаются массовостью и широким хронологическим диапазоном существования. Они хранят богатейшую, во многом еще не востребо-

* Исследование выполняется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту № 09-01-56104а/ц.

© Медведев А. П., 2010

ванную информацию о тех этносоциальных образованиях, которые их оставили.

Современные методы анализа археологических источников, в частности погребальных памятников, позволяют весьма достоверно установить степень социальной дифференциации и масштабы политической организации древних степных и лесостепных социумов. Сейчас практически ни у кого из исследователей не осталось сомнений, что под курганами в лесостепи в первую очередь погребалась местная властвующая элита и ее ближайшее окружение. Но каково ее конкретное происхождение, ясно далеко не во всех случаях. Кажется, последнюю точку в дискуссиях смогут поставить сравнительные антропологические и палеогенетические исследования костных материалов из лесостепных и степных достоверно скифских курганов. По данным археологии можно существенно уточнить этнокультурную принадлежность групп населения, практиковавших в лесостепи курганный обряд захоронения, а также их отношения с оседлыми обитателями лесостепных городищ с собственно скифами-кочевниками степного Северного Причерноморья. Статья посвящена именно этому аспекту истории Лесостепной Скифии, а именно сравнительному анализу курганных некрополей V–IV вв. до н. э. на Среднем Дону и Северском Донце.

Как известно, процесс их изучения носил крайне неравномерный характер. Если говорить о Днепро-Донском междуречье, то еще в конце XIX – начале XX в. в Посулье были раскопаны сотни курганов [1]. В начале XX в. открыты первые погребения в курганных могильниках скифского времени на Среднем Дону [2]. Следует отметить, что в дореволюционный период по сравнению с другими вариантами лесостепной культуры скифского времени было изучено не так много воронежских курганов (не более 25), тогда как, например, только в бассейне Сулы к началу XX в. уже было раскопано около 400 насыпей. Основная же масса среднедонских курганов (свыше 200) была исследована и введена в научный оборот во второй половине XX в. Кажется, именно это обстоятельство объективно обусловило более высокое качество источниковой базы по погребальным памятникам скифского времени на Среднем Дону. Явная асинхронность исследований курганов Днепро-Донской лесостепи сказалась на сохранности и полноте коллекций, качестве публика-

ций материалов и в конечном итоге на возможности их использования в качестве источников по истории Лесостепной Скифии. Этот тезис хорошо иллюстрирует история открытия, изучения и интерпретации курганных могильников скифского времени в Правобережье лесостепного течения Северского Донца.

До недавнего времени источниковая база по лесостепным курганам бассейна этого региона оставалась крайне скудной. Она была представлена главным образом отдельными погребальными комплексами, раскопанными в разных могильниках в дореволюционный период. По этой причине их материалы оказались плохо документированы, а главное – не составляли сколь-нибудь значительной серии. В отличие от поселений и городищ, изучавшихся весьма интенсивно, немногочисленные послевоенные раскопки не могли качественно изменить состояние источников по курганам раннего железного века бассейна Северского Донца. Вплоть до конца 90-х гг. прошлого века по их материалам было трудно составить определенное представление об обрядности и материальной культуре той части древнего населения Харьковщины, которая практиковала курганный обряд захоронения. Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть более ранние публикации [3, с. 5–85; 4, с. 229–231].

Поэтому одним из наиболее интересных открытий в области археологии Лесостепной Скифии явились недавние результативные раскопки курганных могильников в лесостепном Правобережье Северского Донца. Важно, что эти памятники были не только исследованы, но и весьма оперативно опубликованы. Особенно впечатляющими оказались раскопки 1999 г. на могильнике Старый Мерчик, выявившие весьма однородную серию погребений второй половины V–IV вв. до н. э. [5, с. 12]. Чуть позже были введены в научный оборот материалы могильника Песочин под Харьковом, раскопанного еще в конце 70-х гг. XX в. В. Г. Бородулиным, но долго оставшегося неизвестным специалистам [6]. В результате к началу XXI в. выборка исследованных курганных погребений скифского времени на Северском Донце составила около 200 комплексов (из них около 150 второй половины V–IV вв. до н. э.) и стала вполне сопоставима со среднедонской. Но, как представляется, дело даже не в количестве, а прежде всего в качестве нового археологического ма-

териала из Харьковской области. Даже самое поверхностное знакомство с ним дает во многом иную картину погребальной обрядности и материальной культуры северскодонецкого населения классического и позднескифского времени, практиковавшего курганный обряд захоронения, нежели это представлялось ранее.

В курганных могильниках северскодонецкого типа V–IV вв. до н.э. сразу обращают на себя внимание две существенные детали. Большинство из них возникли на новом месте (насыпи части курганов у с. Старый Мерчик даже были сложены из культурного слоя более ранних поселений) и не были топографически связаны с курганами архаической поры, что уже само по себе, видимо, действительно свидетельствует о приходе каких-то новых групп населения [6, с. 193–196]. Такая же ситуация наблюдается и на Среднем Дону – все среднедонские курганные могильники возникают не ранее рубежа VI–V вв. до н. э., как правило, на новых местах, и лишь иногда они «пристраиваются» к курганам эпохи бронзы. Некоторые могильники Харьковщины насчитывали по несколько десятков, а то и сотен насыпей. Они занимали присклоновые участки на высоких мысах и были удалены на значительное расстояние от ближайших городищ, где постоянно проживало оседлое население. Подобная топография отличает и все курганные могильники в Правобережье Среднего Дона. И в том, и в другом регионах абсолютно преобладают курганы с небольшими насыпями высотой 1–2 м, хотя практически в каждой группе могильников имеются курганы-доминанты, выделяющиеся более крупными размерами. Во многом совпадает время использования среднедонских и северскодонецких курганных некрополей – это, в основном, вторая половина V–IV вв. до н. э. при абсолютном преобладании комплексов середины – второй половины IV в. до н. э.

Наиболее яркую черту недавно открытых курганных могильников на Северском Донце представляет весьма характерный тип погребальных сооружений в виде склепов столбовой конструкции, ранее здесь практически неизвестных. Они серийно представлены в могильнике Старый Мерчик [5, с. 35–36] и в меньшей степени – в Песочине [6, с. 42–45]. В целом, по северскодонецкой группе склепы содержали чуть более 23 % исследованных погребений [7, с. 6]. Эти могилы имеют прямоугольную, чаще почти квадратную в плане

форму. Так же, как и на Среднем Дону, в могильнике Старый Мерчик абсолютно преобладают гробницы на девяти столбах, при этом восемь столбов располагались вдоль стенок и один – по центру. В Песочинском могильнике подобные погребальные сооружения хотя и не доминируют, тем не менее составляют значительную серию (курганы № 2, 6–8, 9, 18, п. 1 и п. 2, 21, 29, 32, 33, 36).

В кургане № 7 Старомерчинского могильника так же, как ранее на Среднем Дону (как, впрочем, на Ворскле и Псле), открыто захоронение, совершенное не на земляном полу могилы, а на специальном деревянном настиле, положенном на подклады из бревен, углубленные в канавки. В северскодонецких курганах отмечены случаи ритуального поджигания погребальных сооружений с деревянными конструкциями (в Песочине – не менее шести гробниц, в Старом Мерчике – одна), хорошо известные и на Среднем Дону (до 10 % погребений). Справедливости ради следует отметить, что два последних признака не являются специфичными только для среднедонских или северскодонецких курганов – они отмечены в курганных могильниках на берегах Сулы, Псла, Ворсклы [8, с. 98–100]. И тем не менее из всех известных нам лесостепных курганных могильников северскодонецкие погребальные сооружения по своему устройству настолько близки среднедонским, что если бы не подписи под планами в публикациях украинских коллег, то их можно было бы легко принять за среднедонские. На сегодняшний день это, пожалуй, наиболее яркий и массовый признак «сепаратной» близости памятников скифского времени Харьковской и Воронежской областей. От последних они отличаются лишь более скромными размерами – их площадь от 2,5 до 13,9 м². Но есть и исключения: например, столбовая гробница в кургане № 36 у Песочина площадью 35 м², по размерам приближающаяся к самым крупным среднедонским.

На Северском Донце в скифское время в целом преобладали меридионально ориентированные погребальные сооружения с доминирующей южной ориентировкой погребенных. В курганном могильнике у с. Большая Гомольша ориентировка головой в южном направлении составляла 75 %, у с. Черемушны – 77,7 %, в Люботине – 100 % [5, с. 42–43]. По этому признаку они более близки посульским курганам и несколько отличаются от

среднедонских, где при наличии некоторых южноориентированных захоронений все же в большинстве курганов доминирует ориентация погребенных головой в юго-западный (58,5 %) и в меньшей мере – в противоположный сектор (34 %). В то же время обращает на себя внимание то, что доля ориентировок в юго-западный сектор значительно выше в харьковских курганных могильниках позднескифского времени: Старый Мерчик – 43 %, Малая Рогозянка – до 50 %, что не так уж сильно отличает их от среднедонских.

Другая отличительная черта северскодонецких курганов V–IV вв. до н.э. – наличие сопутствующих конских захоронений [6, с. 58–59], тогда как для погребальной обрядности населения Среднего Дона они не характерны. Зато здесь очень часто встречались их заменители в виде удил и других деталей снаряжения коня. В остальном налицо высокая степень общности не только в устройстве погребальных сооружений, деталях обряда, но и многих категориях сопровождающего погребального инвентаря среднедонских и северскодонецких курганов V–IV вв. до н.э.

В первую очередь обращает на себя внимание близость керамических комплексов этих двух групп могильников. На Северском Донце не менее половины керамических находок составляют кувшинообразные сосуды, чаще без ручек, но иногда с одной, а то и с двумя ручками [5, рис. 51, 2–4, 6; 6, рис. 22, 5]. Последние скорее всего подражали форме античных амфор. Эта керамическая серия очень близка к среднедонским «вазам». До недавнего времени подобные сосуды считались отличительной чертой керамического комплекса среднедонской культуры [9, с. 19]. В то же время в харьковских курганных погребениях хотя и не часто, но все же встречались горшки, идентичные местной лепной посуде. По нашим наблюдениям, на Среднем Дону последние ни разу не входили в состав инвентаря курганных погребений. Это заключение полностью подтвердили новейшие раскопки курганных могильников на Среднем Дону: Терновое – Колбино, Горки 1, Дубовой, Староживотинный. Ни в одном из более 70 недавно открытых погребений горшки городищенских типов с характерным защитным орнаментом по венчику не обнаружены. Возможно, в этом проявляется не локальная среднедонская специфика, как мы считали ранее, а явление более широкого хронологи-

ческого порядка – сокращение до минимума лепной посуды в курганных погребениях IV в. до н.э. в связи с явным предпочтением использовать в качестве погребальной керамики античный импорт [10, с. 33].

Весьма близким оказался и набор прочего инвентаря среднедонских и северскодонецких курганов. Особая близость этих двух групп памятников проявляется в присутствии крупных пряжек-сюльгам, наносников, украшенных фигуркой зайца, втоков для дротиков характерной рюмкообразной формы и даже уникальных железных черпаков. Следует согласиться с заключением харьковских археологов, что престижный погребальный инвентарь курганных погребений в среднем течении Северского Донца в процентном отношении не уступает, а иногда и превосходит аналогичные показатели многих степных памятников и некоторых среднедонских могильников.

В то же время, в отличие от среднедонских курганов, в массе своей содержащих аристократические и воинские захоронения, в могильниках Старый Мерчик и особенно Песочин погребения знати все же составляли заметно меньшую часть курганных захоронений. Около половины погребений содержали рядовые могилы, сопровождаемые весьма скромным инвентарем, в том числе лепными горшками, чего мы не наблюдаем на Среднем Дону. Однако все же курганы № 2–12 могильника Старый Мерчик дали весьма представительную серию погребений в столбовых гробницах, инвентарь которых, несмотря на сильное ограбление, со всей очевидностью свидетельствует о принадлежности некрополя местной знати и воинам. Но даже среди них явно выделялось погребение в кургане № 11. В состав его инвентаря входил круглодонный серебряный кубок с позолотой, меч с рукоятью, обложенной золотом, пара наконечников дротиков, наконечник копья, бронзовые кнемиды, остатки плети со спиральной золотой лентой, золотые нашивные бляшки, импортная посуда и многое другое [5, рис. 18–20]. Уже эти находки заставляют сопоставить этот комплекс со знаменитым курганом № 3 группы Частых близ Воронежа, где в 1911 г. также были найден серебряный сосуд с изображением скифов и меч с рукоятью, обложенной золотом. Такого же высокого ранга было основное погребение в кургане № 8 Песочинского могильника, содержащее помимо прочего инвентаря роскошный женский золотой

убор (золотая метопида, стленгида, пластинки с изображением змееногой богини, сфинксы и менады, ободки с подвесками), а также пару золотых сережек и семь золотых перстней [6, с. 19–20, рис. 14–18].

Для нашей темы важно, что курганные могильники V–IV вв. до н. э. по среднему течению Северского Донца демонстрируют во многом иную культурную традицию, явно отличающуюся от синхронной скифской. И это притом, что курганы собственно скифов находятся в непосредственной близости от северскодонецких. Но как это ни удивительно, археологические признаки присутствия степных скифов именно в это время здесь минимальны – на Донце открыто 4–5 катакомб (не более 2,5 %), одно каменное и еще одно деревянное изваяние. Попутно замечу, что на Суле и Среднем Дону нет ни тех, ни других. К тому же на Северском Донце немногочисленные курганы со «скифскими» степными чертами содержали весьма рядовые погребения [6, с. 188]. Еще сильнее некрополи Харьковщины отличаются от синхронных им курганов, расположенных в низовьях Северского Донца по берегам р. Быстрой типа Сладковских и Шолоховского [11, с. 29–32]. В то же время бросается в глаза несомненная близость курганных некрополей по среднему течению Северского Донца к классическим среднедонским. Она проявляется как в топографии могильников, так и в широком использовании деревянных столбовых гробниц того же устройства, что и на Среднем Дону. Как уже отмечалось, явное сходство наблюдается и в наборах погребального инвентаря. Все это требует объяснения.

Один из ведущих исследователей северскодонецких курганов Л. И. Бабенко пришел к заключению о более широком территориальном распространении «среднедонского феномена», вызванного чрезвычайно близкими культурно-историческими процессами [6, с. 157–158]. Он попытался их конкретизировать, указав в качестве возможной причины обогащение лесостепных племен одинаковыми трофеями в результате их участия в роли союзников скифских царей в войнах IV в. до н. э. На мой взгляд, это предположение может удовлетворительно объяснить лишь богатство и отмеченную однотипность инвентаря среднедонских и северскодонецких курганов V–IV вв. до н.э., но не близость устройства их погребальных сооружений и некоторых деталей обряда, иногда вплоть до идентичности.

Другие исследователи не исключают передвижения части населения из бассейна Северского Донца в Подонье [5, с. 115]. Но, кажется, это противоречит более ранней датировке некоторых среднедонских комплексов, в частности, погребения в кургане № 8 группы Частых, содержащего пару архаических бронзовых ножей, железную, плакированную золотом застёжку, бронзовые опорновтульчатые наконечники стрел и другие находки, не позволяющие датировать его позже конца VI в. до н. э. [8, с. 97].

По-видимому, высокая степень сходства среднедонских и северскодонецких некрополей на фоне заметного отличия их обрядности и отчасти сопровождающего инвентаря от памятников смежных территорий V–IV вв. до н. э. (посульских, степных скифских, «сирматских» в низовьях Донца) могла иметь и более глубинные причины, в том числе на уровне особой, «сепаратной» этнокультурной близости носителей курганного обряда погребения в двух соседних лесостепных регионах – на Среднем Дону и Северском Донце. В свою очередь, это может пролить свет на одну из самых сложных тем этногеографии Лесостепной Скифии – проблему локализации геродотовых будинов и меланхленов, а также на вопрос о соотношении этих двух этносов.

В отличие от племен, населявших восточноевропейскую лесостепь в бронзовом веке и известных только по условным названиям археологических культур, античные авторы сохранили подлинные этнонимы скифской эпохи. Это далеко не случайно, так как именно тогда народы нашей страны впервые выходят на арену Всемирной истории и вступают в прямые контакты с цивилизациями Древнего Востока и Античного мира, обладавшими старой письменной традицией. Благодаря их хронистам и историкам до нас дошли имена скифов, савроматов и многих других степных этносов. К северу от них, в восточноевропейской лесостепи, обитали земледельцы и скотоводы, такие как *будины*, *гелоны*, *меланхлены*, *невры*. В отличие от ираноязычных скифов и сарматов, этническая и языковая принадлежность их северных соседей далеко не всегда может быть надежно установлена из-за скудности исторических свидетельств, имеющих в распоряжении исследователей. Это в полной мере относится к населению, оби-

тавшему в середине I тыс. до н. э. в лесостепном междуречье Дона и Днепра. Кратко остановимся на вопросе о будинах, поскольку его подробный анализ проведен в нашей книге [8, с. 137–144].

Будины впервые упоминаются в «Скифском логосе» Геродота (IV, 21–22; 108–109, 123). Однако как активные участники Скифо-Персидской войны конца VI до н. э. они выступают по крайней мере современниками меланхленов. Более того, в рассказе о переселении невров «отец истории» бросает интересное замечание: «за одно поколение до похода Дария невры переселились в страну будинов» (IV, 105). Если перевести это хронологическое указание Геродота в современную систему летосчисления, то окажется, что для использованной им исторической традиции «большой и многочисленный народ» будинов был исторической реальностью как минимум к середине VI в. до н. э.

Геродот весьма подробно описал этот народ (IV, 108–109). Он отмечает его многочисленность (ἔθνος εὖν μέγα καὶ πολλόν) и обращает внимание на некоторые существенные антропологические отличия будинов от других народов, в частности от переселившихся в их страну гелонов: «Все они светлоглазые и рыжие (γλαυκόν καὶ πύρρον). У них другой язык, нежели у гелонов, говоривших как поскифски, так и поэллински. «Отец истории» подчеркнул их автохтонность и описал образ жизни. В его рассказе будины – кочевники, но кочевники какие-то странные. Геродот специально отмечает специфику их пищи – у него они φθειροτραγέουσι. Это место нельзя назвать ясным, ибо характеристика геродотовых будинов по виду пищи, производной от греч. φθειρ, допускает несколько равноправных вариантов перевода, из которых два наиболее употребительны: 1) «сосновая шишка»; 2) «вошь». В последнем случае будины-фтирофаги оказываются «вшедами». По мнению выдающегося ираниста Э. А. Грантовского, геродотовы βουδίνοι скорее всего могут быть этимологизированы с иранского и подкреплены параллелями из иранской этнонимии [12, с. 181]. Здесь на память сразу приходят «будии» (βουδίου) – название одного из шести мидийских племен (Herod.: I, 101). Известны и другие этимологии этого этнонима. Но всё же следует признать, что подлинный смысл имени будинов до сих пор остается не ясным, как, впрочем, и этническая принадлежность

этого большого явно нескифского народа [8, с. 143].

Вопрос о местонахождении страны будинов, «народа большого и многочисленного», не так безнадежно запутан античными авторами, как современными учеными. Автор уже обращал внимание на то, что у «отца истории» будины фигурируют в двух независимых друг от друга системах этногеографической информации [8, с. 132–133]:

1. В диатезе народов по торговому пути из Гавани борисфенитов, «за Танаисом», взятой из античной торговой периэгесы.

2. В перечне «этносов» вдоль сторон «Скифского квадрата», скорее всего восходящем к мифопоэтическим представлениям самих скифов об их стране и ее окружении.

Принципиально важно то, что их взаимное наложение до минимума сужает диапазон поиска «страны будинов». Вероятнее всего, она располагалась где-то у северо-восточного «угла» Скифской страны, существенно выше «надела савроматов», кочевавших в степях за Танаисом на протяжении 15 дней пути от крайнего угла Меотиды и являвшихся южными соседями будинов. Важно то, что по географическим представлениям Геродота будины уже непосредственно не граничили со Скифией. От последней ее, видимо, отделяли владения меланхленов. Северными соседями будинов были племена охотников-тиссагетов (Herod.: IV, 22). Для нашей темы очень важным является другое замечание Геродота о тиссагетах: «из их земли берут начало четыре большие реки, протекающие через земли меотов», в том числе и Танаис (Herod.: IV, 123). Итак, согласно географическим представлениям Геродота, будины занимали полосу земель между кочевниками-савроматами в степях за Танаисом-Доном и охотничьими угодьями тиссагетов в его верховьях.

Большинство современных исследователей на основании весьма определенных свидетельств Геродота (Herod.: IV, 20) отождествляют население, оставившее северскодонецкие памятники, с меланхленами [4, с. 233–234; 5, с. 119–123; 6, с. 203; 8, с. 136]. Если формально следовать дошедшей до нас античной традиции, то меланхлены попали в поле зрения эллинских авторов раньше будинов. По свидетельству Стефана Византийского, впервые этот этноним употребляет Гекатей Милетский где-то еще на рубеже VI–V вв. до н. э.: «Меланхлены – «народ скифский» (ἔθνος Σκ-

υθικόν). *Гекатей в описании Европы. Названы так по их одежде* (Jac. fr. 185). Через полвека точно такую же этнографическую характеристику мы находим у Геродота: «*Все меланхлены носят черные плащи, от которых они получили свое название, обычаи же у них скифские*» (Herod.: IV, 102, 107). В то же время в другом месте он обратил внимание на их отличие от скифов: «*меланхлены – племя иное, нескифское*» (Herod.: IV, 20). Как известно, для «отца истории» «скифы» были понятием этническим. Судя по некоторым свидетельствам Геродота, в Скифии меланхлены составляли особое и явно автономное этнополитическое образование. Уже в конце VI в. до н. э. у них были свои правители (βασιλεῖς Μελαγχλαίων), принимавшие участие в знаменитом совете «царей» во время нашествия на Скифию персидского царя Дария Гистаспа (Herod.: IV, 119). Их решение отказать в военной помощи скифам свидетельствует об отсутствии какой-либо политической зависимости от степных скифских владык, по крайней мере, в то время.

«Отец истории» весьма определенно описал местоположение меланхленов. Для него они – один из порубежных народов, которые обитали уже вне Скифии. «*Скифия ограничена вначале агафирсами, после – неврами, затем – андрофагами и, наконец, – меланхленами*» (Herod.: IV, 100). В другом месте он поместил их где-то у северной стороны «Скифского квадрата» между андрофагами на западе и будинами на востоке, но выше владений «скифов царских», на удалении 20 дней пути (4000 стадий – это несколько более 700 км) к северу от Понта Эвксинского. По географическим представлениям Геродота, «*выше меланхленов – болота и земля, безлюдная на всем известном нам протяжении*» (Herod.: IV, 20, 101). Важно, что при перечислении этносов, обитающих по сторонам «Скифского квадрата», меланхлены *всегда идут за андрофагами, но перед будинами и гелонами* (Herod.: IV, 100, 102–110, 119, 123–125). Для локализации этого народа существенно и то, что их нет в геродотовом перечне племен «за Танаисом», через земли которых проходил торговый путь из Гавани борисфенитов к народам Приуралья.

Итак, судя по свидетельствам Геродота, меланхлены – один из пограничных со скифами нескифских народов Днепро-Донского междуречья, соседствовавших с ними с севе-

ра. На западе их владения не достигали Борисфена-Днепра, а на востоке – Танаиса-Дона. Образ их жизни был скифский, хотя, с точки зрения Геродота, скифами они не являлись. Этот народ, видимо, был плохо известен грекам. Помимо их главной этнографической особенности, проявившейся в черном цвете одежды, эллины о меланхленах практически ничего не знали.

В связи с установленной выше «сепаратной» близостью курганных могильников по лесостепному течению Дона и Северского Донца предлагается новое решение проблемы будинов и меланхленов. Следует напомнить, что еще более ста лет назад немецкие исследователи со ссылкой на свидетельство Аристотеля связывали греческий этноним Μελαγχλαῖνοι с черным цветом шерсти разводимых ими овец или с черными овечьими шкурами, в которые они одевались [13, с. 116; 14, с. 108]. Не так давно И. В. Пьянков предложил интересную гипотезу, позволяющую рассматривать меланхленов как часть большого и многочисленного народа будинов [15, с. 202]. Исследователь еще раз проанализировал любопытное свидетельство Аристотеля (в передаче Клавдия Элиана) о будинах, которые разводят только овец черного цвета. «*Приведем еще и следующее известие сына Никомахова: он говорит, что у будинов, живущих вокруг Кариска, не рождаются белые овцы, но что все они черные*» (Ael. De nat. anim.: XVI, 33).

Таким образом, единственная, бросающаяся в глаза этнографическая черта, отмеченная Геродотом для меланхленов, – *черный цвет их верхней одежды* – более чем вероятно и для будинов, использовавших, по свидетельству Аристотеля, лишь *шерсть черных овец*. Геродот, очевидно, получил сведения о будинах и меланхленах из разных источников. Он не имел достаточно данных для их идентификации и поэтому сделал их просто соседями. Гипотезу И. В. Пьянкова приняли современные исследователи [16, с. 258–268]. А. Ю. Алексеев развил ее далее, высказав весьма плодотворную мысль, что в случае с меланхленами («*одетыми в черное*») название этноса является греческим, чисто описательным, тогда как в названии будинов скорее всего сохранился этноним в собственном смысле слова [17, с. 80]. Более того, исследователь допускает тождество этих народов, не осознававшееся древними авторами прежде всего в силу разных систем описания, применявшихся к ним.

Правда, он считает, что территории обитания «будинов-меланхленов» и просто будинов очерчиваются разные: для первых – это ареал юхновской культуры (такое отождествление предложил в свое время П. Н. Третьяков, его поддержали В. А. Ильинская и Б. А. Рыбаков), для вторых – городецкой.

Однако представляется, что подобная локализация и особенно археологическая идентификация интересующих нас этносов противоречит свидетельствам Геродота, который всегда упоминает их по соседству. Противоречит и явно бросающееся в глаза различие выше-названных археологических культур – юхновской и городецкой. Последняя резко отличается от всех лесостепных культур прежде всего характерной «текстильной («рогожной») керамикой», являющейся ее главным археологическим индикатором. Если же мы примем наиболее распространенную локализацию меланхленов в среднем течении Северского Донца, а будинов – на «обширных пространствах от воронежских до полтавских лесостепей» [18, с. 131], включая Среднее Подонье, то эта коллизия будет снята и на уровне археологии. При этом сохранится порядок перечисления племен у Геродота, обитавших на северной периферии Скифии (Herod.: IV, 100, 102–110, 119, 123–125), служащий своего рода «лакмусовой бумажкой» при проверке правильности размещения современными исследователями этносов по сторонам «Скифского квадрата».

Археологами давно установлено, что в V–IV вв. до н. э. все лесостепные области между Днепром и Доном были заняты родственными племенами, оставившими посульский, сейминский, северскодонецкий и среднедонской варианты лесостепной скифоидной культуры. На Дону и Донце ее расцвет как раз приходится на время наивысшего скифского могущества. Скорее всего не скифы, а будины вместе с переселившимися в их землю гелонами, да меланхлены как наиболее южная часть «большого и многочисленного народа будинов» составляли основную массу обитателей лесостепного междуречья Днепра и Дона в геродотово и послегеродотово время.

Я не разделяю полностью точку зрения П. Д. Либерова, ограничившего «землю будинов» лишь Средним Подоньем. Но исследование диатезы племен «за Танаисом» убеждает в том, что в поле зрения купцов-информаторов Геродота попал лишь крайний восточный

район «земли будинов», пересекавшийся торговым путем из «Гавани борисфенитов» в далекое Приуралье. Путешествуя по этому пути, эллинские купцы могли непосредственно познакомиться с подлинным («туземным») именем этого народа – *будины*, тогда как к эллинам через скифов совсем иным путем дошел этноним их северных соседей, называемых по-гречески *Μελάγγλαινοι*, а по-скифски – скорее всего *sawdaratae* [19, с. 305, 348]. Учитывая особую близость «курганной» субкультуры северскодонецкого и среднедонского населения V – IV вв. до н. э., следует допустить, что меланхлены являлись иносказанием (греческим экзоэтнонимом) той части большого и многочисленного народа будинов, которая обитала в лесостепном Правобережье Северского Донца.

В то же время археологические материалы из новейших раскопок курганов скифского времени на Харьковщине допускают и иную их интерпретацию, причем, в рамках все той же «будинской» парадигмы. Как известно из рассказа Геродота, в ходе Скифо-Персидской войны конца VI в. до н.э. гелоны, будины и меланхлены оказались по разные стороны фронта: будины и гелоны активно помогали скифам, тогда как «цари меланхленов» уклонились от участия в этой войне (Herod.: IV, 119). По рассказу Геродота, большая часть скифского войска вместе с союзными скифам будинами и гелонами отступила в земли тех племен, которые отказались от союза со скифами, и, как уточняет историк, «прежде всего на землю меланхленов» (Herod.: IV, 125). Но вопреки ожиданиям скифов, меланхлены, как, впрочем, невры и андрофаги, не вступили в борьбу с персами, а «в смятении бежали все время на север, в пустыню». В связи с этим возникает вопрос: не отражают ли археологические материалы из курганных могильников в бассейне Северского Донца эти изменения этнополитической ситуации в исконной земле меланхленов в результате указанных событий войны скифов с Дарием? Ведь факт появления больших курганных могильников в Правобережье Северского Донца в связи с причинами военно-политического характера и последующим переделом территорий весьма вероятен [6, с. 194–197]. Может быть, само распространение в V в. до н. э. «среднедонского феномена» на запад, в среднее течение Донца, свидетельствует если не о смене населения, то, по крайней мере, о сме-

не властвующей элиты после окончания Скифо-Персидской войны, которой скорее всего и принадлежали большие курганские могильники V–IV вв. до н. э.

Не исключено, что именно по этой причине степные скифы после покорения населения Правобережной Лесостепи, не смогли добиться аналогичного результата на Донце и Среднем Дону, где теперь обитали их недавние союзники-будины. В этом смысле, возможно, далеко не случайно, что ни один античный автор IV в. до н.э. уже не знает меланхленов на территории Центральной России, тогда как гелоны и будины по-прежнему известны: первые – Эфору (FHG. 70 F.158 apud Ps.-Scymn. Per, 863–864) и Аристотелю (De mir. ausc.: 30), вторые – только Аристотелю (apud Ael. Hist. anim., XVI, 33). С этого же времени меланхлены начинают упоминаться среди народов Кавказа (Ps.-Skyl. Peripl., 79). На исконной же территории они «появляются» вновь лишь в сочинениях авторов римской эпохи от Помпония Мелы (Geogr., II, 14) до Аммиана Марцеллина (Hist.: XXII, 8. 31; XXXI, 2. 15), но это уже очевидная дань древней литературной традиции, восходящей к Геродоту.

Здесь вполне уместно хотя бы кратко остановиться на недавно высказанной В. П. Яйленко гипотезе о выселении будинов в IV в. до н. э., как, впрочем, и «царских скифов» из Скифии, и даже о замещении последних агафирсами [20, с. 62–69, рис. 2]. Я не могу ее принять хотя бы потому, что единственным основанием для перемещения «большого и многочисленного народа» будинов с их исконной территории на Балканы послужила интерпретация цитированного выше свидетельства Аристотеля о будинах, живущих вокруг Кариска. В европейской науке еще с XIX в. сложилась традиция отождествлять последний пункт с известным кастелем Куриска или Секуриска на правом берегу Дуная в Нижней Мезии [21, coll.1000]. Однако следует отметить, что это укрепление в греческих источниках скифской эпохи не известно и впервые упоминается лишь у позднеантичных и византийских авторов VI в. н. э.: в форме Σεκουρίσκα – у Прокопия Кесарийского (De aed., IV, 7. 4) и в форме Κουρίσκα – у Феофилакта Симокатты (Hist., VII, 2. 19; VIII, 6.7), т.е. спустя тысячу лет после исторических будинов. Примерно с таким же успехом в основе названия Кариска видели

пермское слово *kar, karisok* – «небольшая крепость» [12, coll. 991], что в свое время послужило краеугольным камнем для гипотезы о финно-угорской принадлежности будинов [9, с. 103–115]. Представляется, что если науку строить на столь отдаленном во времени лингвистическом материале, то тут уж не так далеко и до отождествления Кариска/Куриска с древнерусским Курском, жителей которого иногда прямо называли курисками!

Как бы то ни было, несомненно одно – новейшие археологические открытия на Северском Донце заставят скифологов внести существенные коррективы в этногеографию Лесостепной Скифии. Без их учета уже невозможно заниматься скифской проблематикой «на макроуровне». Я убежден, что значение недавно опубликованных материалов северскодонецких могильников далеко выходит за рамки археологии этого региона, что, впрочем, хорошо осознают и украинские исследователи. Их публикации заставляют по-новому взглянуть на этнокультурные и социальные процессы в лесостепи к востоку от Днепра, в том числе и на проблему взаимоотношения лесостепного населения со скифами-кочевниками. Результаты исследования этих памятников еще раз продемонстрировали, что в различных регионах и в разное время отношения между номадами и земледельцами складывались далеко не одинаково. Харьковским археологам на большом новом материале удалось доказать, что, как и на Среднем Дону, местная военно-аристократическая элита вплоть до конца скифской эпохи сохраняла в лесостепи не только свои культурные традиции, но и руководящие позиции, а собственно скифский элемент имел здесь весьма незначительный удельный вес. Во всяком случае, по данным археологии, скифы не играли определяющей роли в судьбах населения северскодонецкого региона. Поэтому ни о каком завоевании лесостепных районов Днепро-Донского междуречья скифами в V в. до н.э., и тем более об установлении политического доминирования кочевников над местным населением в IV в. до н. э. сейчас речь уже идти не может. Это серьезный аргумент в дискуссии с теми исследователями, которые, вопреки недвусмысленным свидетельствам античной традиции и современной археологии, находят в степи и лесостепи лишь одних скифов и одно Великое скифское царство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья / В. А. Ильинская. – Киев, 1968.
2. Спицын А. А. ОАК за 1905 г. / А. А. Спицын. – СПб., 1907.
3. Либеров П. Д. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца / П. Д. Либеров // МИА. – 1962. – № 113.
4. Шрамко Б. А. Древности Северского Донца / Б. А. Шрамко. – Харьков, 1962.
5. Бандуровский А. В. Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант) / А. В. Бандуровский, Ю. В. Буйнов. – Киев, 2000.
6. Бабенко Л. И. Песочинский курганный могильник скифского времени / Л. И. Бабенко. – Харьков, 2005.
7. Гречко Д. С. Сіверськодонецька група пам'яток лісостепу східної Європи скіфської доби : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. С. Гречко. – Київ, 2008.
8. Медведев А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э.) / А. П. Медведев. – М., 1999.
9. Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону / П. Д. Либеров // САИ. – М., 1965. – Вып. Д1-31.
10. Пеляшенко К. Ю. Лепная посуда скифского времени из погребений Днепровской левобережной лесостепи / К. Ю. Пеляшенко // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 2008.
11. Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону / В. Е. Максименко. – Ростов н/Д, 1983.
12. Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии / Э. А. Грантовский. – М., 1970.
13. Tomaschek W. Kritik der ältesten Nachrichten über den scythischen Norden / W. Tomaschek // Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. – Wien, 1888. I. 11.
14. Reichardt C. Landeskunde von Skythien nach Herodot : Diss / C. Reichardt. – Halle, 1889.
15. Пьянков И. В. Античные авторы о Средней Азии и Скифии : (критический обзор работ Дж. Р. Гардинер-Гардена) / И. В. Пьянков // ВДИ. – 1994. – № 4.
16. Щеглов Д. А. Три источника скифской географии Геродота / Д. А. Щеглов // Боспорский феномен : погребальные памятники и святилища. – СПб., 2002. – Ч. 2.
17. Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии / А. Ю. Алексеев. – СПб., 2003.
18. Граков Б. Н. Скифы / Б. Н. Граков. – М., 1971.
19. Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия / В. И. Абаев // Основы иранского языкознания : (древнеиранские языки). – М., 1979.
20. Яйленко В. П. Очерк этнической и политической истории Скифии в V–III вв. до н. э. / В. П. Яйленко // Античный мир и варвары на юге России и Украины. – М., 2007.
21. Fluss H. Securiska / H. Fluss // RE. – Stuttgart, 1921. – Hbd. 3.

Список принятых сокращений

- ВДИ – Вестник древней истории.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАК – Отчет Императорской Археологической комиссии.
САИ – Свод археологических источников.
FHG – Fragmenta Historicorum Graecorum (F. Jacoby).
RE – Pauly's – Wissowa Real-Encyclopaedie der classischen. Altertumswissenschaft.

Воронежский государственный университет

Медведев А. П., доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой археологии и истории древнего мира

E-mail: APM1950@yandex.ru

Тел.: (4732) 39-29-35

Voronezh State University

Medvedev A. P., Doctor of the Historical Science, Professor, Head of the Archaeology and Ancient History Department

E-mail: APM1950@yandex.ru

Tel.: (4732) 39-29-35